

Джек Лондон

Сердца трёх

Перевод с английского
Татьяны Кудрявцевой

ФТМ

Джек Лондон

Сердца трех

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=128177
Сердца трех: АСТ, АСТ Москва; Москва; 2009
ISBN 978-5-4467-2529-8

Аннотация

«Сердца трех» – жемчужина творческого наследия Лондона.

Завораживающая история кузенов Френсиса и Генри Морганов, далеких потомков великого пиратского капитана, отправившихся на поиски сокровищ своего легендарного предка, и прекрасной Леонсии, в которую влюблены они оба, не однажды экранизировалась – как на Западе, так и в нашей стране.

Но даже самым удачным экранизациям все-таки не удалось в полной мере воплотить все обаяние и увлекательность бессмертного романа Джека Лондона...

Содержание

Предисловие	4
Глава первая	13
Глава вторая	34
Глава третья	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Джек Лондон

Сердца трех

Предисловие

Надеюсь, читатель извинит меня за то, что я начинаю это предисловие с похвалы. Дело в том, что эта работа – юбилейная. Ее завершением я отмечаю свое сорокалетие, свою пятидесятую книгу, шестнадцать лет своей писательской деятельности и новое направление в своем творчестве. А «Сердца трех» – это новое направление. До сих пор я, безусловно, не создавал ничего подобного и почти убежден, что и впредь не создам. И я вовсе не намерен скрывать, что горжусь этой работой. А теперь я советовал бы читателю, который любит стремительное развитие действия, перескочить через все то бахвальство, что содержится в предисловии, и погрузиться с головой в повествование, – пусть он потом попробует сказать мне, что от моей книги легко оторваться.

Для любопытствующих разрешу себе кое-что пояснить. По мере того как кинематограф становился наиболее популярной формой развлечения во всем мире, запас фабул и интриг, накопленный мировой беллетристикой, стал быстро истощаться. Какая-нибудь одна кинокомпания с помощью двух десятков режиссеров способна экранизировать все ли-

тературное наследие Шекспира, Бальзака, Диккенса, Скотта, Золя, Толстого и десятков менее плодовитых писателей. А поскольку на свете сотни кинокомпаний, нетрудно сообразить, как скоро они могут столкнуться с нехваткой сырья, из которого фабрикуют кинокартины.

Право на экранизацию всех романов, рассказов и пьес, издаваемых или подлежащих изданию определенными издательствами или лицами, уже давно куплено и зафиксировано договорами; если же попадаетея материал, право собственности на который истекло за давностью лет, то он экранизируется с такой же быстротой, с какой матросы, очутившись на берегу, усеянном золотым песком, набросились бы на самородки. Тысячи сценаристов – точнее будет сказать десятки тысяч, ибо нет такого мужчины, женщины или младенца, которые не считали бы себя вполне созревшими для написания сценария, – итак, десятки тысяч сценаристов рыщут по литературе (как охраняемой авторским правом, так и не охраняемой) и хватают журналы чуть ли не из машины, в надежде поживиться какой-нибудь новой сценкой, фабулой или историйкой, придуманной их собратьями по перу.

Кстати, справедливость требует отметить, что совсем недавно, в те дни, когда сценаристов еще не очень уважали, они надрывались в поте лица за пятнадцать-двадцать долларов в неделю, а случалось, что прижимистые директора платили им и поштучно: десять-двадцать долларов за сценарий, да еще в пятидесяти случаях из ста не выдавали сценаристам

и тех грошей, которые им причитались; бывало и так, что товар, украденный сценаристами, в свою очередь, крали у них не менее бессовестные и беззастенчивые люди, работающие в штате. Так было только вчера, а сегодня я знаю сценаристов, которые имеют по три машины и по два шофера, которые посылают своих детей в самые дорогие школы и вообще обладают устойчивой платежеспособностью.

В значительной мере именно из-за нехватки беллетристического сырья и начали ценить и уважать сценаристов. На них появился спрос, они получили признание, их стали лучше оплачивать, а от них требовать продукцию более высокого качества. Начались новые поиски материала, выразившиеся, в частности, в попытке завербовать известных писателей для работы в качестве сценаристов. Но то, что человек написал двадцать романов, еще не может служить ручательством, что он способен написать хороший сценарий. Как раз наоборот: очень быстро обнаружилось, что успех в беллетристике – верная гарантия провала на экране.

Но тут на сцене появляются хозяева кинокомпаний. Разделение труда – прежде всего. И вот, связавшись с могущественными газетными объединениями или с отдельными лицами, как это имело место в данном случае, – я имею в виду «Сердца трех», – они заказывают высококвалифицированным сценаристам (даже ради спасения собственной жизни не сумевшим бы написать роман) сценарий, который романисты (даже ради спасения собственной жизни не сумевшие

бы написать сценарий) превращают затем в роман.

Итак, является м-р Чарльз Годдард к некоему Джеку Лондону и говорит ему: «Время действия, место действия и действующие лица определены; кинокомпании, газеты и капитал к нашим услугам; давайте договариваться». И мы договорились. Результат – «Сердца трех». Ни у кого не может возникнуть сомнения в искусстве и мастерстве м-ра Годдарда после того, как я перечислю его творения, перу его принадлежат: «Злоключения Полины», «Приключения Илейн», «Богиня», «Обогащайся, Уоллингфорд» и т. д. Кроме того, имя героини данного романа – Леонсия – тоже им придумано.

Первые несколько эпизодов он написал на своем ранчо в Лунной долине. Но писал он быстрее, чем я, и закончил свои пятнадцать эпизодов на много недель раньше меня. Да не введет вас в заблуждение слово «эпизод». На первый эпизод ушло три тысячи футов пленки. А на последующие четырнадцать – по две тысячи футов на каждый. В каждом эпизоде около девяноста сцен, что составляет в общем около тысячи трехсот сцен. Итак, мы работали параллельно, каждый над своим куском. Когда я писал какую-то главу, я, естественно, не мог принимать в расчет того, что происходит в следующей или через двенадцать глав, так как я этого не знал. Не знал этого и м-р Годдард. Отсюда неизбежные последствия: нельзя сказать, чтобы повествование в «Сердцах трех» отличалось особой последовательностью, хотя, оно, безусловно,

не лишено логики.

Представьте себе мое изумление, когда я, будучи на Гавайях, вдруг получаю от м-ра Годдарда по почте из Нью-Йорка сценарий четырнадцатого эпизода (я же в то время только еще трудился над литературной обработкой десятого эпизода) и вижу, что мой герой женат совсем не на той женщине! И в нашем распоряжении всего только один эпизод, когда можно избавиться от нее и связать моего героя узами законного брака с единственной женщиной, на которой он может и должен жениться. Как это сделано – прошу посмотреть в последней главе или пятнадцатом эпизоде.

Можете не сомневаться, что м-р Годдард надоумил меня, как это сделать.

Дело в том, что м-р Годдард – мастер по части развития действия и гений по части быстроты. Развитие действия нимало не волнует его. «Изобразить», – спокойно указывает он в авторской ремарке киноактеру. Очевидно, актер «изображает», ибо м-р Годдард тут же начинает нагромождать одно действие на другое. «Изобразить горе!» – приказывает он, или «печаль», или «гнев», или «искреннее сочувствие», или «желание убить», или «стремление покончить жизнь самоубийством». Вот и все. Так и должно быть – иначе, когда же он завершил бы работу и написал свои тысячу триста сцен?

Но можете себе представить, каково пришлось мне, несчастному, который не мог ограничиться волшебным словом «изобразить», а должен был описать – и притом весьма

подробно – все те настроения и положения, которые одним росчерком пера наметил м-р Годдард! Черт побери! Диккенсу не казалось чрезмерным излишеством потратить тысячу слов на описание и возможно более тонкую обрисовку горестных переживаний того или иного из своих героев. А вот м-р Годдард говорит: «Изобразить», – и рабы киноаппарата делают все, что нужно.

А развитие действия! В свое время я написал не один приключенческий роман, но во всех них вместе взятых вы не найдете столь стремительного развития действия, как в «Сердцах трех».

Зато теперь я знаю, почему так популярен кинематограф. Я теперь знаю, почему «Г-да Барнес из Нью-Йорка» и «Техасский горшечник» разошлись в миллионах экземпляров. Я теперь знаю, почему какая-нибудь напыщенная агитационная речь может привлечь куда больше голосов, чем самый прекрасный и доблестный поступок или замысел государственного деятеля. Переделка сценария м-ра Годдарда в роман была для меня интересным опытом – и весьма поучительным. Эта работа по-новому осветила давно продуманные мною социологические обобщения, подвела под них новую основу и укрепила их. После этой попытки испробовать свои силы как писатель в новой для себя области я стал понимать душу народа в его массе глубже, чем понимал до сих пор, и осознал – полнее, чем когда-либо, – каким высоким искусством жеста и мимики должен владеть демагог, при-

влекающий голоса избирателей на свою сторону благодаря своему умению играть на коллективной душе масс. Я буду очень удивлен, если эта книга не получит самого широкого распространения. («Изобразить удивление», – сказал бы м-р Годдард; или: «Изобразить широкое распространение».)

Если в основе этой авантюры, именуемой «Сердца трех», лежит сотрудничество, я восхищен идеей сотрудничества. Но только – увы! – боюсь, что такого коллегу, как м-р Годдард, можно встретить не чаще, чем одного на миллион. Мы ни разу не перебросились даже словом, у нас не было ни одного спора, ни единой дискуссии. Но в таком случае я, должно быть, и сам – не коллега, а мечта! Разве я не позволил ему – без единого намека на жалобу или возражение – «изобразить» все, что ему заблагорассудится, на протяжении 15 эпизодов сценария, 1300 сцен и 31000 футов пленки, а затем 111000 слов, составивших роман? И все-таки теперь, когда я кончил сей труд, я очень был бы рад, если бы не начинал его, – по одной простой причине: мне хотелось бы самому прочесть книгу и посмотреть, как она читается. А меня это очень интересует. Очень.

Джеск Лондон

Уайкики, Гавайские о-ва,

23 марта 1916 года

Старая пиратская песня

Кто готов судьбу и счастье
С бою брать своей рукой,
Выходи корсаром вольным
На простор волны морской!

Припев:

Ветер воеет, море злится, —
Мы, корсары, не сдаем.
Мы – спина к спине – у мачты,
Против тысячи вдвоем!

Нож на помощь пистолету —
Славный выдался денек!
Пушка ломит их упрямство,
Путь расчистит нам клинок.

Припев.

Славь, корсар, попутный ветер,
Славь добычу и вино!
Эй, матрос, проси пощады,
Капитан убит давно!

Припев.

Славь захваченное судно,
Тем, кто смел, сдалось оно.
Мы берем лишь груз и женщин,
Остальное – все на дно!

Джордж Стерлинг

Глава первая

В это позднее весеннее утро события развивались очень быстро в жизни Френсиса Моргана. Если когда-нибудь человеку суждено было, переместившись во времени, стать участником жестокой, кровавой драмы, а точнее – трагедии бесхитростных душ, и одновременно свидетелем средневековой мелодрамы, насыщенной сентиментальностью и бурными страстями, свойственными обитателям Латинского Нового Света, то этим человеком Судьба предназначила быть Френсису Моргану, и притом весьма скоро.

Однако сам Френсис Морган пребывал в ленивом неведении относительно того, что в мире что-то для него готовится, и едва ли был готов встретить надвигавшиеся события. Поздно засидевшись за бриджем, он поздно начинал свой день. За поздним пробуждением последовал поздний завтрак из фруктов и каши; покончив с ним, Френсис направился в библиотеку – строго, со вкусом обставленную комнату, откуда его отец в последние годы жизни руководил своими обширными и многообразными делами.

– Паркер, – обратился Френсис к камердинеру, который служил еще его отцу, – ты не замечал признаков ожирения у Р. Г. М. в последние годы его жизни?

– О нет, сэръ, – отвечал тот со всей почтительностью хорошо вышколенного слуги, но невольно бросая беглый оцени-

вающий взгляд на великолепную фигуру молодого человека. – Ваш батюшка, сэр, всегда отличался стройностью. Фигура у него никогда не менялась; он был широкоплечий, с могучей грудью, и хоть широковат в кости, но талия, сэр, у него была тонкая, всегда тонкая. Когда его обмыли, сэр, и положили на стол, многие молодые люди в нашем городе могли бы устыдиться своей фигуры. Он всегда тщательно следил за собой, сэр, – я имею в виду все эти упражнения, которые он делал в постели, полчаса каждое утро. Ничто не могло заставить его отступить. Он называл это своим культом.

– Да, фигура у отца была редкостная, – рассеянно произнес молодой человек, глядя на биржевой телеграф и несколько телефонных аппаратов, установленных еще его отцом.

– Совершенно верно, – убежденно подтвердил Паркер. – Ваш батюшка был строен, как аристократ, несмотря на широкую кость, могучие плечи и грудь. И вы это унаследовали, сэр; только вы еще лучше.

Молодой Френсис Морган, унаследовавший от своего отца не только статную фигуру, но и немало миллионов, безмятежно развалился в широком кожаном кресле и вытянул ноги – совсем как могучий лев в клетке, не знающий, куда девать свои силы. Развернув утреннюю газету, он остановился взглядом на заголовке, извещавшем о новом оползне на Кьюлебрском участке Панамского канала.

– Хорошо, что мы, Морганы, не склонны к полноте, – пожевывая, произнес он, – не то ведь я мог бы и растолстеть от

такой жизни... Правда, Паркер?

Престарелый камердинер, не расслышав, смущенно посмотрел на своего хозяина.

— О да, сэр, — поспешно сказал он. — То есть я хочу сказать: нет, сэр. Вы сейчас в наилучшей форме.

— Ничего подобного, — убежденно заявил молодой человек. — Я, может, и не разжирел, но безусловно пообмяк... А, Паркер?

— Да, сэр... То есть нет, сэр, — я хотел сказать: нет, сэр. Вы все такой же, каким вернулись из колледжа, три года назад.

— И решил, что безделье — мое призвание, — рассмеялся Френсис. — Паркер!

Паркер почтительно вытянулся. Однако хозяин его уже погрузился в глубокое раздумье, словно решая проблему первостепенной важности, а рука его то и дело принималась теревить топорщившиеся усики, которые он с некоторых пор стал отращивать.

— Паркер, я намерен съездить на рыбную ловлю.

— Да, сэр.

— Я велел прислать несколько складных удочек. Пожалуйста, составь их и принеси сюда — я хочу их осмотреть. Мне думается, что уехать недельки на две куда-нибудь в лес — самое для меня полезное. Если я этого не сделаю, то, несомненно, начну толстеть и опозорю весь наш род. Ты ведь слышал про сэра Генри? Старого оригинала сэра Генри, пирата и головореза?

– Да, сэр. Я читал о нем, сэр.

Паркер уже стоял в дверях и только ждал той минуты, когда словоохотливость молодого хозяина иссякнет, чтобы отправиться по его поручению.

– Да, гордиться тут нечем – подумаешь, старый пират!

– О нет, сэр, – запротестовал Паркер. – Он ведь был губернатором на Ямайке и умер в почете.

– Счастье еще, что его не повесили, – расхохотался Френсис. – В сущности говоря, только он один и позорит наш род, который сам же основал. Но я вот что хотел сказать: я очень тщательно просмотрел все, что его касается. Он весьма заботился о своей фигуре и, слава богу, до самой смерти сохранил тонкую талию. В этом отношении он оставил нам хорошее наследство. А вот сокровища его мы, Морганы, так и не нашли; впрочем, тонкая талия, которую он нам завещал, дороже всех рубинов. Родовая черта, – говоря языком биологов, которому научили меня профессора.

Наступила долгожданная пауза, и Паркер осторожно выскользнул из комнаты, а Френсис Морган погрузился в изучение газетной статьи о Панаме, из которой он выяснил, что канал будет открыт для судоходства, по-видимому, не раньше, чем через три недели.

Зазвонил телефон, и с помощью электрических нервов современной высокой цивилизации Судьба сделала первую попытку протянуть свои щупальца и добраться до Френсиса Моргана, который сидел в эту минуту в библиотеке особня-

ка, выстроенного его отцом на Риверсайд-драйв.

— Но, дорогая мисс Каррузерс, — запротестовал он в трубку. — Что бы там ни было, это просто временный ажиотаж. «Тэмпико петролеум» в полном порядке. Это не спекулятивные бумаги, а вполне надежное помещение капитала. Держите их. Держите крепко... Все дело, наверно, в том, что какой-нибудь фермер из Миннесоты приехал в Нью-Йорк и решил купить пакета два акций просто потому, что они кажутся ему солидными, а так оно и есть... Ну и что тут такого, что они поднялись на два пункта? Все равно не продавайте. «Тэмпико петролеум» — это вам не лотерея и не рулетка. Это крепкое промышленное предприятие. Мне бы, например, очень хотелось, чтобы оно было не таким грандиозным, — я бы тогда мог финансировать его один... Да нет, выслушайте меня: совсем это не мыльный пузырь! Мы сейчас одних цистерн заказали больше чем на миллион долларов. Наша железная дорога и три нефтепровода стоят свыше пяти миллионов. Да одни только действующие нефтескважины дадут нам нефти на сто миллионов долларов, так что сейчас главная наша задача — доставить ее к морю на танкеры. Теперь самое время для вложения капитала. Пройдет год-другой, и государственные бумаги по сравнению с вашими акциями покажутся сущей чепухой...

...Да-да, пожалуйста. Не обращайте внимания на биржевой рынок. И потом — я вовсе не советовал вам приобретать эти акции. Я никогда не давал своим друзьям таких сове-

тов. Но уж раз вы приобрели эти акции, то держитесь за них. «Тэмпико» такое же солидное предприятие, как Английский банк... Да, мы с Дикки поделили вчера вечером трофеи. Подобралась великолепная компания. Хотя Дикки, надо сказать, чересчур горяч для бриджа... Да, везло, как игроку на бирже... Ха-ха! Я горяч? Ха-ха!.. Да?.. Скажите Гарри, что я отбываю недели на две... Поеду форель удить... Весна, знаете ли, ручейки журчат, на деревьях сок выступил, распускаются почки, зацветают цветы и тому подобное... Да, всего наилучшего. И держитесь обеими руками за «Тэмпико петролеум». Если они немножко упадут, после того как этот миннесотский фермер кончит играть на повышение, прикупите еще. Я тоже собираюсь так сделать. Это все равно что найти деньги... Да... Да, конечно... Слишком это крепкие бумаги, чтобы вот так – ни с того ни с сего – взять и продать их: ведь они, может, никогда больше не понизятся... Ну конечно, я знаю, что говорю. Я проспал сегодня восемь часов и еще не выпил ни капли... Да, да... До свидания.

Не поднимаясь с кресла, Френсис потянул к себе ленту от соединенного с биржей аппарата и лениво пробежал ее глазами; то, что в ней сообщалось, не вызвало у него особого интереса.

Вернулся Паркер, неся несколько тоненьких удочек; каждая из них по своей полировке и отделке была верхом искусства и мастерства. Френсис мигом вскочил с кресла, отбросил в сторону телеграфную ленту, про которую тут же за-

был, и, точно мальчишка, с радостью и восторгом принялся осматривать игрушки и пробовать их одну за другой: он то взмахивал удочками так, что леска со свистом, похожим на удар хлыста, разрезала воздух, то осторожно, рассчитанным движением, закидывал ее под высокий потолок, как если бы там, на другом конце комнаты, находился невидимый пруд, в котором таинственно поблескивала форель.

Зазвонил телефон. Лицо Френсиса перекошилось от раздражения.

– Ради бога, поговори ты, Паркер, – приказал он. – Если это опять какая-нибудь дура, играющая на бирже, скажи, что я умер, или пьян, или лежу в тифу, или женюсь, – словом, придумай что-нибудь пострашнее.

После непродолжительных переговоров, проведенных в спокойном, вежливом тоне, так подходившем к величественному стилю этой холодной, чинной комнаты, Паркер произнес в трубку: «Одну минуту, сэр» – и, прикрыв ее рукой, сказал:

– Это мистер Бэском, сэр. Он просит вас.

– Скажи мистеру Бэскому, чтобы он убирался к черту, – отозвался Френсис, замахнувшись так, будто хотел невесть куда забросить удочку; и в самом деле, опиши леска кривую, начертанную его зачарованным взглядом, она вылетела бы в окно и, по всей вероятности, до смерти перепугала бы садовника, который, стоя на коленях, пересаживал розовый куст.

– Мистер Бэском говорит, что это насчет положения на

бирже, сэр, и что он задержит вас не более пяти минут, — настаивал Паркер, но так деликатно и мягко, словно передавал какое-то совсем несущественное, пустяковое поручение.

— Хорошо. — Френсис осторожно прислонил удочку к столу и взял трубку. — Алло, — сказал он в аппарат. — Да, это я, Морган. Ну, ваяйте. Что там такое?

Он с минуту послушал, потом раздраженно перебил говорившего:

— Продавать? Черта с два! Ни в коем случае... Конечно, я рад это слышать. Но даже если акции поднимутся на десять пунктов, — чего, конечно, не случится, — все равно держите их. Весьма возможно, что это закономерное повышение и они уже больше не упадут. Эти акции — штука солидная. Они стоят куда больше, чем котируются. Вообще этого могут и не знать, но я-то знаю. Через год они до двухсот дойдут — конечно, если в Мексике прекратятся эти вечные революции... А вот если акции упадут, вы получите от меня приказ покупать... Ерунда. Кто это хочет приобрести контрольный пакет? Да нет же, это чисто спорадическое явление... Что? Прошу прощения. Я хотел сказать: чисто временное. Так вот что: я уезжаю недели на две удить рыбу. Если акции упадут на пять пунктов, — покупайте. Покупайте все, что будут предлагать. М-да, когда у человека на руках солидное предприятие и начинается игра на повышение его акций, это почти так же опасно, как игра на понижение... Да... Конечно... Да... До свидания.

Френсис с восторгом снова занялся своими удочками, а тем временем на другом конце города в кабинете Томаса Ригана уже неутомимо трудилась Судьба. Томас Риган отдал своей армии маклеров приказ скупать акции «Тэмпико петролеум», пустил через посредство многообразных каналов таинственный слухок, будто у «Тэмпико петролеум» какие-то осложнения с мексиканским правительством по поводу концессии, и погрузился в чтение отчета своего эксперта по нефти, который целых два месяца провел на месте, выясняя подлинные перспективы и возможности этой компании.

Вошел клерк, подал визитную карточку и доложил, что какой-то иностранец просит принять его. Риган взглянул на карточку.

– Передайте этому мистеру, сеньору Альваресу Торресу, – сказал он, – что я не могу его принять.

Через пять минут клерк вернулся с той же карточкой, но теперь на обратной ее стороне было что-то нацарапано карандашом. Риган так и расплылся в улыбке, прочитав:

Дорогой и многоуважаемый мистер Риган. Имею честь сообщить Вам, сэр, что мне известно местонахождение клада, который, еще в бытность свою пиратом, спрятал сэр Генри Морган.

Альварес Торреса.

Риган покачал головой; клерк был уже у двери, когда хозяин вдруг окликнул его:

– Пусть войдет, немедленно.

Оставшись один, Риган беззвучно рассмеялся, обмозговывая пришедшую ему в голову идею.

– Молокосос! Щенок! – бурчал он сквозь облако дыма, раскуривая сигару. – Воображает себя львом, точно он сам старик Р. Г. М. Хорошая порка – вот что ему нужно, и старый стреляный воробей Риган уж позаботится об этом.

Английский язык сеньора Альвареса Торреса был столь же безукоризнен, как и его модный весенний костюм; и хотя смуглая кожа выдавала его латиноамериканское происхождение, а блеск черных глаз достаточно красноречиво говорил о том, что в этом человеке течет давняя смесь испанской и индейской крови, – он казался настолько типичным нью-оркцем, что Томас Риган большего и желать бы не мог.

– После многих лет упорного труда и поисков, – начал Торрес, – я, наконец, догадался, где спрятан клад сэра Генри Моргана. Я уверен, что он зарыт на Москитовом Берегу. Скажу точнее: до него не больше тысячи миль от лагуны Чирикви, а ближайший к нему город, судя по всему, – Бокас-дель-Торо. Я там родился, хотя образование получил в Париже; знаю местность как свои пять пальцев. Для такой экспедиции достаточно было бы маленькой шхуны. Ведь снарядить ее недорого обойдется, совсем недорого, зато какая будет прибыль: в награду целое сокровище.

Сеньор Торрес умолк: ему не хватало слов, чтобы выразиться определеннее, но Томас Риган, крутой и жесткий человек, привыкший иметь дело с людьми такого же склада,

как и он сам, начал вытягивать из него сведения, точно адвокат, ведущий перекрестный допрос.

– Да, – тотчас признался сеньор Торрес, – в настоящее время я несколько стеснен... как бы это сказать?.. – в средствах.

– Вам нужны деньги, – грубо уточнил биржевик, и тот с горестным видом поклонился.

И еще многое другое вынужден был признать Альварес Торрес под беглым огнем допроса. Да, он лишь недавно покинул Бокас-дель-Торо и надеется, что никогда больше туда не вернется. Тем не менее он готов вернуться, если они придут сейчас к какому-то соглашению...

Но Риган остановил его властным жестом человека, привыкшего повелевать простыми смертными: он взял чековую книжку и выписал чек на имя Альвареса Торреса. Когда тот взглянул на бумажку, то увидел, что там проставлена сумма в тысячу долларов.

– Так вот к чему сводится моя идея, – сказал Риган. – Я лично ничуть не верю вашим рассказам. Но у меня есть один юный друг. Я очень люблю этого мальчика, и меня огорчает, что его слишком затягивают соблазны большого города – Бродвей с его красотками и тому подобное, – ну вы понимаете.

Сеньор Альварес Торрес поклонился, как светский человек, разговаривающий со светским человеком.

– Так вот, ради его здоровья, а также спасения не толь-

ко его души, но и состояния, самое лучшее, что можно было бы придумать, – это путешествие за сокровищем, полное приключений, требующее физического напряжения, и... словом, я убежден, что вы меня понимаете.

Альварес Торрес снова поклонился.

– Вам нужны деньги, – продолжал Риган. – Постарайтесь заинтересовать его. Эта тысяча вам за труды. Заинтересуйте его так, чтобы он отправился разыскивать золото старика Моргана, – и еще две тысячи ваши. Если сумеете заинтересовать его настолько, что он пробудет в отлучке три месяца, – я добавлю вам еще две тысячи; а если полгода – то пять тысяч. Можете мне поверить: я хорошо знал его отца, мы с ним были товарищами, компаньонами, я... я могу даже сказать: почти братьями. Я готов пожертвовать любой суммой, чтобы наставить сына моего друга на правильный путь и сделать из него человека. Что вы на это скажете? Для начала вот вам тысяча. Идет?

Сеньор Альварес Торрес дрожащими пальцами свертывал и развертывал чек.

– Я... я согласен, – с запинкой произнес Торрес и даже начал заикаться от волнения. – Я... я... как бы это сказать?.. я весь в вашем распоряжении.

За пять минут Торресу были даны все инструкции относительно той роли, которую ему предстояло играть, а его рассказ о кладе Моргана был несколько видоизменен, для большей правдоподобности, хитрым, практичным биржевиком;

после этого испанец поднялся и, прежде чем откланяться, заметил шутливо, но не без грусти:

– Самое забавное, мистер Риган, что все это чистейшая правда. Изменения, которые вы внесли в мою историю, делают ее более правдоподобной, но она правдива и без них. Мне нужны деньги. Вы очень щедры, и я буду стараться изо всех сил... Я... я горжусь тем, что обладаю даром артиста. И все-таки клянусь: я действительно разгадал, где спрятаны сокровища, которые награбил и зарыл Морган. Я имел доступ к документам, недоступным для широкой публики; да и все равно, едва ли кому-либо удалось бы в них разобраться. Эти документы хранятся в нашей семье, и многие мои предки трудились над ними всю жизнь, но так и не нашли разгадки. Однако они были на правильном пути – им только не хватало смекалки: они ошибались на двадцать миль. А ведь место точно указано в документах. Они ошибались, мне кажется, потому, что там нарочно все было зашифровано, запутано, написано в виде ребуса; и только я, один я, сумел понять это и разгадать. Все мореплаватели былых времен прибегали к таким трюкам, когда чертили свои карты. Мои испанские предки подобным образом скрыли Гавайские острова, переместив их на целых пять градусов долготы в сторону.

Для Томаса Ригана все это было китайской грамотой, он слушал Торреса с терпеливой улыбкой, явно говорившей: «Вот заставляет занятого человека отрываться от дел и выслушивать какие-то небылицы».

Не успел сеньор Торрес откланяться, как в кабинет вошел Френсис Морган.

– Решил на минутку забежать к вам за советом, – сказал он после обычного обмена приветствиями. – Да и к кому же мне обращаться, как не к вам, – ведь вы столько лет работали с моим отцом. Насколько мне известно, вы были его компаньоном в крупнейших сделках. Он всегда советовал мне доверять вашим суждениям. Ну, вот я и пришел. Прежде всего скажите, что происходит с «Тэмпико петролеум»? Дело в том, что я хочу уехать на рыбную ловлю.

– Что происходит с «Тэмпико петролеум»? – вопросом на вопрос ответил Риган, ловко разыгрывая полное неведение, хотя он один был во всем повинен.

Френсис кивнул и, опустившись в кресло, закурил сигарету, а Риган стал просматривать ленту биржевого телеграфа.

– Акции «Тэмпико петролеум» поднялись... на два пункта... А тебя, собственно, что беспокоит? – спросил он.

– Да ничего, – ответил Френсис. – Ровно ничего. Но не думаете ли вы, что некая группа хочет прибрать «Тэмпико» к рукам, – ведь потенциальная ценность предприятия колоссальна. Это, как вы понимаете, между нами; то есть я хочу сказать: совершенно конфиденциально.

Риган кивнул.

– Предприятие огромное, – продолжал Френсис. – В полном порядке. Солидное во всех отношениях. Без обмана. И вдруг такой скачок! Не кажется ли вам, что какое-то лицо,

или группа лиц, хочет завладеть контрольным пакетом акций?

Компаньон его отца тряхнул своей седою копной, однако в голове, покрытой этими благородными сединами, таились далеко не благородные мысли.

– Ну что ты, – заметил он, – скорей всего это просто случайный скачок. А может быть, публика, играющая на бирже, заподозрила, что акции «Тэмпико петролеум» – штука в самом деле стоящая. Ты-то сам как считаешь?

– Конечно, стоящая, – горячо ответил Френсис. – Я получил такие приятные вести, Риган, что вы ахнете от удивления. Я всем моим друзьям говорю, что это дело солидное, без обмана. До чертиков обидно, что мне пришлось привлечь посторонний капитал. Но предприятие оказалось настолько крупным, что я просто вынужден был это сделать. Даже если бы я вложил все деньги, которые оставил мне отец, – я имею в виду свободный капитал, а не то, что уже вложено в другие предприятия, иными словами: наличность, – все равно мне одному не поднять этого.

– У тебя что, туго со средствами? – спросил старик Риган.

– О, у меня есть кругленькая сумма, которой я могу оперировать, – беспечно отвечал молодой человек.

– Ты хочешь сказать...

– Конечно. Вот именно. Если акции «Тэмпико» упадут, я буду покупать. Ведь это все равно, что найти деньги!

– На сколько же ты намерен покупать? – спросил Риган,

пытаясь прощупать своего гостя, но скрывая свою заинтересованность под личиной добродушия и одобрения.

— На все, что у меня есть, — не задумываясь, ответил Френсис Морган. — Я же говорю вам, Риган: это колоссальное дело!

— Я не интересовался по-настоящему этим предприятием и не могу сказать, чего оно стоит, Френсис, но из тех немногих фактов, которые мне известны, оно представляется вполне солидным.

— Представляется! Говорю вам, Риган, что это золотое дно, без всякого обмана; и мне стыдно, что акции его пришлось выпустить на биржу. Но зато на них уж никто не разорится. Я только окажу услугу миру, выбросив на рынок... даже не могу сейчас точно сказать, сколько сотен миллионов баррелей отличной нефти... Да вы знаете, что у меня есть скважина на Хуастекских разработках, которая вот уже семь месяцев дает по двадцать семь тысяч баррелей в день. И фонтан еще не иссяк. Но это капля в море по сравнению с тем, что мы способны поставить на рынок. У этой нефти удельный вес двадцать два, а осадка в ней меньше двух десятых процента. Потом есть еще один фонтан — к нему надо только проложить миль шестьдесят нефтепровода, — который выбрасывает около семидесяти тысяч баррелей в день и, несмотря на принятые меры, буквально заливает нефтью всю окрестность. Это я сообщаю вам, конечно, по секрету, сами понимаете. Дела у нас идут неплохо, и я вовсе не хочу,

чтобы акции «Тэмпико петролеум» подскочили до небес.

– Можешь не беспокоиться об этом, сынок. Еще надо, чтобы нефть потекла по нефтепроводам и чтобы в Мексике прекратились революции, – только тогда акции «Тэмпико» могут взлететь вверх. А пока поезжай удить рыбу и забудь об этом. – Риган помолчал, потом, притворившись, будто вдруг что-то вспомнил, взял со стола визитную карточку Альвареса Торреса, на которой карандашом была нацарапана записка. – Взгляни, кто у меня только что был. – Риган помолчал, словно обдумывая внезапно пришедшую в голову мысль. – Ну зачем тебе ехать удить какую-то форель? Ведь это в конце концов пустое развлечение. А вот тут есть для тебя улов поинтереснее – это развлечение настоящее, достойное мужчины, не то что дача в Адирондакских горах наподобие персидского дворца, где вам и мороженое, и слуги, и электрические звонки. Твой отец всегда немало гордился этим пиратом, от которого пошел весь ваш род. Он утверждал, что похож на него, ну а ты безусловно похож на своего папашу.

– На сэра Генри, – с улыбкой заметил Френсис, протягивая руку за карточкой. – А я ведь тоже немало горжусь этим старым бандитом!

Прочитав каракули, нацарапанные на визитной карточке, он вопросительно взглянул на Ригана.

– История, которую рассказал мне этот парень, звучит вполне правдоподобно, – пояснил Риган. – Он говорит, что родился на этом самом Москитовом Берегу и узнал про клад

из документов, хранящихся у них в семье. Но я, конечно, не верю ни единому слову из всего этого. У меня нет ни времени, ни желания интересоваться тем, что не имеет отношения к моим делам.

– Любопытно, что сэр Генри умер почти бедняком, – заметил Френсис, брови его сдвинулись, и между ними прорезались упрямые моргановские складки, – а спрятанный им клад так никто и не нашел.

– Ну что ж, желаю удачи в рыбной ловле, – добродушно усмехнулся Риган.

– А все-таки мне бы хотелось повидать этого Альвареса Торреса, – заявил молодой человек.

– Все это пустые бредни насчет зарытого золота, – продолжал Риган. – Хотя, должен признаться, история, которую рассказал мне этот парень, звучит на редкость правдоподобно. М-да, будь я помоложе... но мне, как видно, суждено сиднем сидеть здесь.

– Вы не знаете, где бы я мог найти его? – уже через минуту спрашивал Френсис, доверчиво всовывая шею в петлю, которую Судьба в образе Томаса Ригана приготовила, чтобы уловить его.

Свидание состоялось на следующее утро, в кабинете Ригана. При виде Френсиса сеньор Альварес Торрес вздрогнул, но тут же взял себя в руки. Это не ускользнуло от Ригана, который спросил с усмешкой:

– Совсем точно старый пират собственной персоной, а?

– Да, сходство поразительное, – солгал, или почти солгал, Торрес, ибо хотя он и заметил сходство Френсиса с портретами сэра Генри Моргана, но в то же время перед его мысленным взором предстал образ другого, только живого человека, который был похож и на Френсиса и на сэра Генри в такой же мере, в какой они оба походили друг на друга.

Френсис был молод, а молодость не знает преград. Тотчас были вытащены современные атласы и старинные географические карты, равно как и документы, написанные выцветшими чернилами на пожелтевшей от времени бумаге, – и не прошло и получаса, как Френсис объявил, что отныне признает рыбную ловлю только на Быке или на Тельце, – то есть на одном из двух островков в лагуне Чирикви, где, по уверению Торреса, должен находиться зарытый клад.

– Сегодня же вечером выезжаю поездом в Новый Орлеан, – объявил Френсис. – Тогда я как раз успею попасть на один из пароходов «Юнайтед фрут компани», который отправляется в Колон. О, я уже все выяснил вчера, прежде чем лечь спать.

– Только не фрахтуйте шхуны в Колоне, – посоветовал Торрес. – Поезжайте верхом до Белена. Там лучше всего фрахтовать судно: матросы народ простой – туземцы, и вообще все просто.

– Пожалуй, это разумно! – согласился Френсис. – Мне давно хотелось посмотреть тамошние края. А вы поспеете к

этому поезду, сеньор Торрес?.. Вы, конечно, понимаете, что я беру на себя обязанности казначея и оплату всех расходов.

Но, поймав взгляд Ригана, Альварес Торрес мигом сообразил, что от него требуется, и принялся вдохновенно лгать.

– К сожалению, мистер Морган, я вынужден задержаться и присоединюсь к вам позже. У меня тут одно неотложное дельце... как бы это сказать?.. – небольшой судебный процесс, который мне надо довести до конца. Сумма иска, правда, незначительна, но тут затронуты интересы семьи, и потому это дело для меня чрезвычайно важное. У нас, Торресов, есть своя гордость. Я знаю, вам, американцам, это кажется смешным, но для нас – вещь очень серьезная.

– Он потом присоединится к тебе и поможет, если ты собьешься со следа, – заверил Френсиса Риган. – Кстати, пока вы не забыли, не мешало бы вам заранее договориться о разделе добычи... если вы, конечно, когда-нибудь найдете этот клад.

– Слово за вами. Что вы скажете? – спросил Френсис.

– Разделите поровну. Точно пополам, – предложил Риган, великодушно деля между ними то, чего, по его убеждению, вовсе не существовало.

– И вы сразу же приедете, как только сумеете, да? – спросил Френсис Торреса. – Послушайте, Риган, займитесь-ка его иском и уладьте все побыстрее. Ладно?

– Непременно, мой мальчик, – был ответ. – А если ему потребуются деньги? Дать?

– Безусловно! – Френсис крепко пожал обоим руки. – Это избавит меня от лишних хлопот. Ну, а сейчас я бегу: надо уложиться, отменить все свидания, которые были у меня назначены, и успеть на поезд. Всего хорошего, Риган. До скорой встречи, сеньор Торрес, где-нибудь возле Бокасдель-Торо или в какой-нибудь яме на Быке или Тельце. Так, по-вашему, клад на Тельце? Ну, в общем до встречи. Adios!¹ А сеньор Альварес Торрес остался еще на некоторое время у Ригана и получил подробнейшие инструкции о той роли, которую ему предстояло играть: с самого начала пути и на всем его протяжении он должен всячески задерживать и затягивать экспедицию Френсиса.

– Короче говоря, – заключил Риган, – я не буду очень горевать, если в интересах своего здоровья он останется там надолго, а если и вообще не вернется, тоже плакать не буду.

---

¹ До свиданья! (исп.)

Глава вторая

Деньги, как и молодость, не знают преград, и Френсис Морган, законный и естественный обладатель и молодости и денег, в одно прекрасное утро, через три недели после того, как он распрощался с Риганом, оказался на борту зафрахтованной им шхуны «Анджелика», попавшей неподалеку от берега в полосу штиля. Вода была точно стекло, шхуну еле покачивало, и Френсис Морган, томясь от скуки и избытка энергии, которая, так же как молодость, не знает преград, попросил метиса-капитана, сына ямайского негра и индианки, спустить за борт маленький ялик.

– Похоже, что здесь можно подстрелить попугая, или обезьяну, или что-нибудь в этом роде, – заметил Френсис, разглядывая в мощный цейсовский бинокль берег, поросший непроходимым лесом, в полумиле от них.

– Скорей всего, сэр, вы наткнетесь на лабарри, местную ядовитую змею, укус которой смертелен, – усмехнулся капитан и владелец «Анджелики», унаследовавший от своего отца ямайца способность к языкам.

Но Френсиса уже невозможно было удержать: в эту самую минуту он увидел в бинокль сначала белую асьенду² вдаль, а затем фигуру женщины в белом на берегу; он даже заме-

---

² Асьенда – дом с прилегающими к нему плантациями.

тил, что женщина тоже рассматривает в бинокль его самого и шхуну.

– Спустите ялик, капитан, – приказал он. – Кто там живет? Белые?

– Семейство Энрико Солано, сэр, – был ответ. – Это родовитые испанские аристократы, уж поверьте моему слову. Им принадлежит вся эта местность, от моря до Кордильер, а также половина лагуны Чирикви. Земли у них много, а вот денег – мало. Гордецы страшные, ну и вспыльчивые, как порох.

Когда Френсис в крошечном ялике отплыл к берегу, зоркий глаз капитана подметил, что он не взял с собой ни ружья, ни дробовика для предполагаемой охоты на попугаев или обезьян. А еще глаз капитана уловил фигуру женщины в белом, выделявшуюся на темном фоне джунглей.

Френсис греб прямо к берегу, покрытому белым коралловым песком, не решаясь оглянуться через плечо и посмотреть, там ли еще эта женщина, или уже исчезла. В его помыслах не было ничего дурного – лишь вполне естественное для молодого человека желание познакомиться с молодой сельской жительницей, вероятно полудикаркой, а в лучшем случае – наивной провинциалочкой, с которой можно будет поболтать и подурачиться, пока штиль сковывает «Анджелику». Когда дно ялика зашуршало по песку, Френсис выпрыгнул из лодки, сильной рукой приподнял ее нос, втащил на берег и только после этого обернулся. Вокруг не было ни души.

Френсис доверчиво пошел вперед. «Любой путешественник, попав на незнакомый берег, имеет право поискать местных жителей, чтобы узнать дорогу», – сказал он себе.

И Френсис, рассчитывавший лишь на мимолетное развлечение, получил столько развлечений и таких, о каких и мечтать не мог. Из-за зеленой стены джунглей, точно фея из волшебной шкатулки, внезапно выскочила уже виденная им молодая женщина и обеими руками схватила его за руку. Одного взгляда на нее было достаточно, чтобы понять, что это девушка, вполне созревшая и оформившаяся. Френсиса удивили сила и нежность, с какими она сжала его руку. Свободной рукой он сорвал с головы шляпу и поклонился незнакомке с невозмутимостью Моргана, воспитанного в Нью-Йорке и привыкшего ничему не удивляться, – и был удивлен, да еще как! Причем потрясла его не только красота девушки, но и взгляд, каким она в упор смотрела на него, – суровый и непреклонный. Ему даже показалось, будто он уже где-то встречался с нею. Он что-то не замечал, чтобы незнакомые люди так смотрели друг на друга.

Девушка обеими руками потянула его за руку и взволнованно прошептала:

– Скорей! Следуйте за мной!

С минуту он колебался. Тогда она нетерпеливо дернула его, увлекая за собой. Решив, что это какая-то странная игра, принятая, вероятно, на побережье Центральной Америки, он с улыбкой уступил – и уже сам не знал, добровольно

ли следует за нею, или она силой тащит его в джунгли.

– Делайте то же, что и я, – бросила она ему через плечо, держа его теперь только одной рукой.

Он повиновался с улыбкой: он полз, когда ползла она, сгибался в три погибели, когда она сгибалась, и то и дело сравнивал себя с Джоном Смитом и Покахонтасом³.

Внезапно девушка остановилась и села на землю, жестом приказав Френсису сесть рядом; она высвободила свою руку из его руки и прижала ее к сердцу.

– Слава богу! – с трудом переводя дух, произнесла она. – О милосердная дева Мария!

Подражая ей, – такова была ее воля и таковы были, по-видимому, правила игры, – он с улыбкой тоже прижал руку к сердцу, хоть и не обратился при этом ни к богу, ни к деве Марии.

– Неужели вы никогда не научитесь быть серьезным? – гневно сверкнув глазами, напустилась на него девушка.

Френсис тотчас принял самый серьезный и естественный вид.

– Милая моя леди... – начал было он.

Но она резким жестом оборвала его. С возрастающим удивлением Френсис увидел, как она наклонилась и стала прислушиваться, а потом и сам услышал шаги людей, спускавшихся по тропинке неподалеку от них.

Повелительно положив свою мягкую теплую ладонь на его

---

³ Джон Смит и Покахонтас – следопыты, первооткрыватели Америки.

руку и как бы приказывая ему молчать, девушка порывисто поднялась, – Френсис уже пришел к выводу, что эта порывистость у нее в натуре, – и побежала вниз по дорожке. Он чуть не свистнул от изумления. Да он бы и свистнул, если бы не услышал невдалеке ее голос: она резко спрашивала что-то по-испански, а мужские голоса хотя и почтительно, но возражали ей.

Затем Френсис услышал, как они пошли дальше, продолжая разговаривать. Минут на пять воцарилась мертвая тишина; потом до Френсиса снова донесся голос девушки: она приказывала ему выйти из засады.

«Ну и ну! Интересно, как бы вел себя Риган в таких условиях?» – с усмешкой подумал он, вылезая из кустов.

Он шел за ней следом, – теперь она уже не держала его за руку, – через джунгли к морю. Когда она остановилась, он подошел почти вплотную и стал перед нею, все еще считая, что это игра.

– Запятнал! – рассмеялся он, дотрагиваясь до ее плеча. – Запятнал! – повторил он. – Теперь вам ловить!

Ее черные глаза сверкнули испепеляющей яростью.

– Глупец! – воскликнула она и, подняв руку, ткнула пальцем – как ему показалось, с излишней фамильярностью – в его усики. – Неужели вы думаете, что это делает вас неузнаваемым?

– Но, милая моя леди... – начал было он, намереваясь объяснить девушке, что безусловно видит ее впервые.

Однако то, что последовало, заставило его прикусить язык и было столь же неожиданно, как и все, что девушка делала до сих пор. Это случилось так молниеносно, что он даже не заметил, откуда был извлечен крошечный серебряный револьвер, дуло которого было не только направлено на него, но вплотную прижато к его животу.

– Милая моя леди... – снова попытался начать он.

– Я не желаю разговаривать с вами, – перебила она его. – Отправляйтесь на свою шхуну и уезжайте... – Френсису показалось, что она подавила рыдание. И лишь после паузы она договорила: – ...навсегда.

Он снова открыл было рот, но, почувствовав резкий толчок револьвером под ложечку, так ничего и не сказал.

– Если вы еще когда-нибудь вернетесь – да простит мне мадонна! – я застрелю вас.

– В таком случае мне, пожалуй, лучше убраться отсюда, – шутливо бросил он и, повернувшись, зашагал к ялику; ему было и стыдно и смешно при мысли о том, в какое непостижимо нелепое положение он попал.

Он пытался сохранить последние остатки достоинства и делал вид, будто не замечает, что незнакомка идет за ним. Вытягивая из песка нос ялика, он подметил, что легкий ветерок зашелестел листьями пальм. От налетевшего с суши бриза море у берега стало темнеть; потемнело оно и там, у выхода из еще гладкой, как зеркало, лагуны Чирикви, где на горизонте вставали, точно мираж, далекие очертания рифов.

Френсис уже занес ногу, чтобы сесть в ялик, как вдруг услышал рыдание, заставившее его остановиться и повернуть голову. Странная девушка стояла, опустив револьвер, и плакала. В один миг Френсис очутился рядом с ней и участливо дотронулся до ее плеча. Девушка вздрогнула от его прикосновения и, отшатнувшись, с укором посмотрела на него сквозь слезы. Френсис пожал плечами, как бы говоря, что отказывается понимать столь необъяснимую смену настроений, и снова повернулся было к лодке, но незнакомка остановила его.

— Вы... — начала она, запнулась и тяжело вздохнула, — вы могли бы хоть поцеловать меня на прощанье.

И девушка порывисто бросилась к нему, раскрыв объятия, но все еще продолжая держать в правой руке столь не подходящий к случаю револьвер. Френсис, вконец сбитый с толку, какое-то мгновение стоял в растерянности, потом обнял ее и был награжден страстным поцелуем в губы, повергшим его в полное изумление; а незнакомка уронила голову ему на плечо и разразилась потоком слез. У Френсиса в глазах помутилось, однако он все же чувствовал давящую тяжесть револьвера, прижатого к его спине между лопатками. Через некоторое время девушка подняла мокрое от слез лицо и поцеловала Френсиса несколько раз, а он подумал: не подло ли с его стороны отвечать на ее поцелуи с такой же, не менее загадочной страстностью?

И только он успел сказать себе, что в общем ему безраз-

лично, сколько времени продлится эта неясная сцена, как девушка вдруг отшатнулась от него и лицо ее снова запылало гневом и ненавистью, — угрожающе взмахнув револьвером, она указала ему на лодку.

Пожав плечами и как бы говоря, что он ни в чем не может отказать красивой женщине, Френсис повиновался, сел на весла, лицом к ней, и начал грести от берега.

— Да спасет меня дева Мария и не даст погибнуть из-за моего слабого сердца! — воскликнула девушка, свободной рукой срывая с шеи медальон. Золотые бусинки посыпались дождем, и медальон полетел в воду, разделявшую ее и Френсиса.

В эту минуту из джунглей выскочили трое мужчин с ружьями и бегом устремились к девушке, которая в изнеможении опустилась на песок. Они стали поднимать ее и тут только заметили Френсиса, который греб теперь изо всех сил. Френсис поспешно оглянулся, чтобы удостовериться, далеко ли еще до «Анджелики», и увидел, что шхуна, слегка накренившись, разрезая носом воду, идет ему навстречу. В эту минуту один из трех мужчин на берегу — тот, что был постарше, с бородой, — выхватил у девушки бинокль и направил его на Френсиса. А в следующий миг, бросив бинокль, он уже целился в него из ружья.

Пуля шлепнулась в воду на расстоянии какого-нибудь ярда от лодки, но, прежде чем раздался второй выстрел, девушка поспешно вскочила на ноги и ударом снизу выбила ру-

жье из рук старика. Продолжая ожесточенно грести, Френсис увидел, как мужчины, отбежав от девушки, прицелились в него, но она выхватила револьвер и, наведя на них, заставила опустить ружья.

«Анджелика», повернутая против ветра, приостановилась, вспенивая воду, и Френсис ловким прыжком вскочил на палубу; в ту же секунду капитан повернул рулевое колесо, паруса надулись, и шхуна понеслась в море. С мальчишеским озорством Френсис послал на прощанье воздушный поцелуй незнакомке, продолжавшей смотреть ему вслед, и увидел, как она, в полном изнеможении, упала на грудь бородатого старика.

– Ну и порошок, эти проклятые Солано! И гордые до сумасшествия, – заметил Френсису метис-капитан и улыбнулся, сверкнув белыми зубами.

– Бешеные какие-то, настоящие психопаты! – рассмеялся Френсис и, подбежав к борту, послал еще несколько воздушных поцелуев эксцентричной молодой особе.

Благодаря попутному ветру, дувшему с материка, «Анджелика» добралась до рифов, ограждающих вход в лагуну Чирикви, и, сделав еще миль пятьдесят вдоль них, к полуночи подошла к островам Быка и Тельца; тут капитан поставил судно на якорь, решив дожидаться рассвета. После завтрака Френсис, посадив на весла матроса, негра с Ямайки, отправился в ялике обследовать остров Быка – более круп-

ный, чем остров Тельца, и населенный в это время года, по словам шкипера, индейцами, которые перебираются сюда с материка для охоты на черепах.

Еще не успев подъехать к острову, Френсис понял, что его отделяют от Нью-Йорка не только тридцать градусов широты, но и тридцать столетий, через которые он перемахнул, попав из ультрасовременной цивилизации в обстановку, можно сказать, первобытной дикости. Совсем голые, если не считать лоскутов мешковины на бедрах, вооруженные тяжелыми, необычайно острыми топорами-мачете, охотники на черепах очень быстро доказали, что они отъявленные попрошайки и не остановятся перед убийством. Остров Быка принадлежит им, – объявили они Френсису через переводчика-матроса, который привез его сюда, – а Телец, прежде тоже принадлежавший им в сезон охоты на черепах, теперь захватил один бешеный гринго⁴, отчаянный сорвиголова, несговорчивый и властный, сумевший с помощью страха завоевать их уважение – уважение перед двуногим существом, еще более свирепым, чем они сами.

За серебряный доллар Френсис уговорил одного из индейцев отправиться к таинственному гринго и передать ему, что он хотел бы его навестить. Тем временем остальные окружили ялик, принялись разглядывать Френсиса, клянчить у него деньги и даже бесцеремонно стащили его трубку, кото-

---

⁴ Гринго – в Центральной Америке так называют англичан и жителей Соединенных Штатов.

рую он на минуту вынул изо рта и положил рядом. Френсис тотчас дал по уху вору, а затем и второму, выхватившему ее у первого, и вернул себе трубку. В один миг вся толпа ошестинилась мачете, угрожающе засверкали на солнце отточенные острия, но Френсис быстро унял пыл индейцев, наведя на них свой пистолет-автомат; они попятились и, сбившись в кучу, принялись зловеще шептаться. Тут Френсис обнаружил, что его единственный спутник и переводчик струсил: подойдя к охотникам на черепах, он заговорил с ними явно заискивающим тоном, очень не понравившимся Френсису.

Тем временем вернулся посланный с запиской, и Френсис, поняв, что ему самому придется объясняться с ним, так как на ямайца надежда плохая, взял у него листок, поперек которого карандашом было нацарапано: «Vamos! Пошел ты к черту!»

– Придется мне, как видно, самому поехать туда, – подождав к себе негра матроса, сказал Френсис.

– Будьте как можно осторожнее и осмотрительнее, сэр, – предупредил его негр. – Эти безмозглые скоты на все способны, сэр.

– Садись в лодку и вези меня туда, – кратко приказал Френсис.

– Нет, сэр. Очень сожалею, но нет, сэр, – отвечал чернокожий матрос. – Я нанимался, сэр, к капитану Трефэзену в матросы, но я не нанимался в самоубийцы, и я не поеду с вами, сэр, на верную смерть. Самое лучшее для нас было бы

убраться из этого пекла; если же мы останемся, сэр, то нам тут зададут жару – это уж точно.

Возмущенный до глубины души, Френсис смерил матроса презрительным взглядом, сунул в карман пистолет, повернулся спиной к полуголым дикарям и зашагал прочь через пальмовую рощу. В том месте, где торчал огромный кусок кораллового рифа, выброшенный здесь давним землетрясением, он вышел к морю. У берега Тельца, от которого его отделял узкий проливчик, он увидел ялик на приколе. У того же берега, на котором находился он сам, стояло на приколе выдолбленное из дерева старое и явно дырявое каноэ. Френсис перевернул его, чтобы вылить воду, и тут заметил, что охотники на черепах последовали за ним и теперь с опушки кокосовой рощи наблюдают за его действиями; однако трусливого матроса среди них не было.

Переехать через проливчик было для Френсиса делом нескольких минут, но на берегу Тельца его ждал не более радужный прием – из-за пальмы вышел высокий молодой человек, босиком, с пистолетом-автоматом в руке, и гаркнул:

– *Vamos!* Убирайтесь вон отсюда! Живо!

– О боги морских глубин со всеми их рыбами и рыбешками! – полушутя, полусерьезно воскликнул Френсис и улыбнулся. – Тут у вас человеку и шагу нельзя ступить, чтобы ему не ткнули пистолетом в физиономию. И все кричат: «Убейся вон, *pronto!*⁵»

---

⁵ Живо (*исп.*).

– Никто вас не звал сюда, – возразил незнакомец, – Вы явились без спроса. Убирайтесь с моего острова. Даю вам полминуты.

– Знаете ли, приятель, я начинаю злиться, – чистосердечно признался Френсис, в то же время искоса поглядывая на ближайшую пальму и соображая, какое расстояние отделяет его от нее. – Все, кого я здесь ни встречал, какие-то сумасшедшие и к тому же невежи: гонят человека без всякого стеснения. Так что под конец у меня тоже характер изменился. А вот насчет того, будто этот остров ваш, так одни слова еще не являются доказательством...

И, не dokonчив фразы, Френсис метнулся под прикрытие пальмы. Едва он успел забежать за дерево, как в ствол ударила пуля.

– Ах так! – крикнул он и всадил пулю в ствол пальмы, за которой спрятался незнакомец.

Несколько минут продолжалась перестрелка: противники то палили друг в друга, то выжидали, тщательно рассчитывая выстрелы. Наконец, Френсис выпустил восьмую, и последнюю, пулю и тут без особого удовольствия вспомнил, что насчитал всего семь выстрелов со стороны незнакомца. Тогда он надел на руку свой пробковый шлем и осторожно высунул его из-за пальмы – шлем был тотчас же пробит пулей.

– Какой системы у вас револьвер? – холодно-вежливым тоном осведомился он.

– Кольт, – последовал ответ.

Френсис смело вышел из-за своего укрытия.

– В таком случае вы извели весь свой запас. Я считал выстрелы. Восемь. Теперь мы можем поговорить.

Незнакомец тоже вышел из-за дерева. И Френсис невольно залюбовался его статной фигурой, которую не мог обезобразить даже костюм, состоявший из грязных парусиновых штанов, тельняшки и сомбреро с обвисшими полями. Больше того: Френсису показалось, что он уже где-то видел этого человека, хотя ему и в голову не пришло, что он смотрит на точную копию самого себя.

– Поговорить! – фыркнул незнакомец и, отбросив револьвер, выхватил из-за пояса нож. – Вот сейчас отрежу тебе уши, а потом, может, и скальп сдеру.

– Ишь ты! Какие, однако, милые и добродушные звери водятся в здешних лесах, – в тон ему заговорил Френсис, чувствуя, как в нем нарастают гнев и возмущение. Он тоже выхватил свой охотничий нож, совсем еще новенький и блестящий. – Давай-ка лучше померяемся силами – без всякой этой поножовщины из дешевого уголовного романа.

– Мне нужны твои уши, – любезно возразил незнакомец и стал медленно наступать на Френсиса.

– Очень хорошо. Кто первый будет положен на обе лопатки, тот и отдаст свои уши победителю.

– Согласен! – Молодой человек в парусиновых штанах спрятал нож.

– Жаль, что здесь нет киноаппарата, чтобы заснять эту

сцену, – усмехнулся Френсис, в свою очередь пряча нож. – Я зол, как сто чертей! Как самый злой индеец! Берегись! Я тебя сейчас любым способом положу на лопатки!

Сказано – сделано, но блестящий натиск Френсиса привел к самым позорным результатам: незнакомец, на первый взгляд, казалось бы, способный выдержать любой наскок, как только они сшиблись, повалился на спину. Это была хитрость: подняв ногу, он пнул Френсиса в живот, да так, что тот, перекувырнувшись в воздухе, перелетел через него.

От падения Френсис едва не лишился чувств, а тут еще противник набросился на него и так придавил к земле, что чуть дух из него не вышиб. Френсис лежал на спине, не в силах произнести ни слова, как вдруг заметил, что навалившийся на него человек с внезапным любопытством разглядывает его.

– Зачем тебе эти усики? – спросил незнакомец.

– Ладно, не разговаривай, отрезай уши, – проговорил Френсис, как только дыхание вернулось к нему. – Уши твои, а усы мои. Мы насчет них не уговаривались. А вообще ты положил меня на лопатки по всем правилам джиу-джицу.

– Ты же сам сказал: «Любым способом положу на лопатки», – процитировал со смехом незнакомец. – Так вот: уши можешь оставить себе; я и не собирался отрезать их, а теперь, посмотрев на них поближе, и вовсе не собираюсь: они мне не нужны. Вставай и убирайся отсюда. Я тебя побил. Vamos! И не смей больше появляться здесь и разнюхивать!

Пошел вон! Живо!

Возмущенный еще больше, чем прежде, и униженный сознанием своего поражения, Френсис вернулся на берег, где стояло его каноэ.

– Эй, молодой человек, может хоть свою визитную карточку мне оставите? – крикнул ему вслед победитель.

– Визитных карточек головорезам не оставляют, – бросил через плечо Френсис, прыгая в каноэ и отталкиваясь веслом от берега. – А фамилия моя – Морган.

На лице незнакомца отразилось величайшее изумление; он открыл было рот, намереваясь что-то сказать, потом передумал и лишь пробормотал себе под нос: «Одной породы! Не удивительно, что мы так похожи».

Все еще кипя от негодования, Френсис добрался до Быка, вытащил каноэ на берег, присел на борт, набил трубку, закурил и погрузился в мрачное раздумье. «Все здесь сумасшедшие, решительно все, – думал он. – Ни один человек не ведет себя по-человечески. Интересно, как бы старик Риган стал обделывать дела с такими людьми? Уж ему они бы наверняка уши отрезали».

Если бы в эту минуту Френсис мог видеть обладателя парусиновых штанов и такой знакомой физиономии, он окончательно пришел бы к убеждению, что жители Латинской Америки – самые настоящие сумасшедшие, ибо вышеупомянутый молодой человек сидел в крытой травой хижине у себя на острове и, улыбаясь собственным мыслям, говорил

вслух:

– Кажется, я все-таки вселил божий страх в сердце этого представителя моргановской семейки. – И, подойдя к стене, принялся разглядывать висевшую на ней копию с портрета сэра Генри, родоначальника Морганов. – Итак, господин пират, – усмехнувшись, продолжал он, – двое ваших последних отпрысков чуть было не прикончили друг друга из пистолетов-автоматов, по сравнению с которыми ваше допотопное оружие – грошовая игрушка.

Он нагнулся к старенькому, сильно побитому и изъеденному червями морскому сундучку, приподнял крышку с вырезанной на ней буквой «М» и снова обратился к портрету:

– Да, благородный мой предок, пират валлиец, немного же ты мне оставил: старое тряпье да лицо, как две капли воды похожее на твое. Но если б меня обстреляли, как тебя в Порт-о-Пренсе, я бы тоже сумел себя показать.

С этими словами он стал натягивать на себя изъеденную молью одежду, обветшавшую за долгие годы лежания в сундуке.

– Вот я и принарядился, – добавил он через минуту. – А ну, дражайший предок, выйди-ка из рамы и посмей сказать, что мы с тобой не похожи как две капли воды!

Теперь, когда молодой человек облекся в старинные одежды сэра Генри Моргана, перепоясался тесаком и засунул за широкий пояс два огромных, украшенных резьбой кремневых пистолета, сходство между ним, живым человеком, и

портретом старого пирата, давно превратившегося в прах,
было поистине разительно.

Ветер воет, море злится, —
Мы, корсары, не сдаем.
Мы – спина к спине – у мачты,
Против тысячи вдвоем!

запел молодой человек, перебирая струны гитары, старую пиратскую песню. Постепенно образ, смотревший на него с портрета, стал расплываться, и молодой человек увидел перед собой совсем другую картину.

Прислонившись спиной к грот-мачте, со сверкающим тесаком в руке, стоял старый пират, а перед ним полукругом толпились причудливо одетые головорезы-матросы; спиной к нему, по другую сторону мачты, стоял другой человек, одетый в такой же костюм и тоже с тесаком в руке, и так же полукругом толпились перед ним головорезы-матросы, замыкая образовавшееся вокруг мачты кольцо.

Яркое видение вдруг исчезло, разорванное звоном лопнувшей струны, которую молодой человек, увлекшись, сильно дернул. В наступившей тишине ему показалось, что старый сэр Генри вышел к нему из рамы и, став перед ним, тербит его за рукав, словно приказывая выйти из хижины, а сам с настойчивостью призрака все шепчет:

Мы – спина к спине – у мачты,

Против тысячи вдвоем!

Послушный зову призрака, а может быть, собственной обостренной интуиции, молодой человек вышел из хижины и спустился к морю. Посмотрев через узкий проливчик на противоположный берег, он увидел на острове Быка своего недавнего противника, который, прислонившись спиной к огромному обломку кораллового рифа, отбивался от полуголых индейцев, наступавших на него со своими мачете; в руках у него был тяжелый сук, выловленный, очевидно, в воде.

В это время кто-то угодил Френсису камнем по голове, и все поплыло у него перед глазами; теряя сознание, он вдруг увидел нечто, почти убедившее его, что он уже мертв и находится в царстве теней: сэр Генри Морган собственной персоной, с тесаком в руке, спешил по берегу ему на выручку. Больше того – он размахивал этим тесаком и, круша индейцев направо и налево, пел зычным голосом:

Ветер воет, море злится, —
Мы, корсары, не сдаем,
Мы – спина к спине – у мачты,
Против тысячи вдвоем!

Ноги у Френсиса подкосились, он весь обмяк и медленно опустился на землю; последнее, что он видел, были ин-

дейцы, которые бросились врассыпную, преследуемые таинственным пиратом.

«Боже милосердный!» – «Святая дева, спаси нас!» – «Да ведь это призрак старика Моргана!» – донеслись до него их крики.

Френсис очнулся в крытой травой хижине в самом центре Тельца. Первое, что он увидел, придя в сознание, был портрет сэра Генри Моргана, глядевший на него со стены. А затем он увидел точную копию сэра Генри, только совсем молодого, из живой плоти и крови, – и этот сэр Генри поднес к его губам флягу с бренди и велел сделать глоток. Как только Френсис глотнул из фляги, силы сразу вернулись к нему, и он вскочил на ноги; движимые одним и тем же побуждением, молодые люди пристально посмотрели друг на друга, потом на портрет и, чокнувшись флягами, выпили за предка и друг за друга.

– Вы сказали мне, что вы – Морган, – произнес незнакомец. – Я тоже Морган. Этот человек на стене дал начало моему роду. А ваш род откуда берет начало?

– От него же, – ответил Френсис. – Меня зовут Френсис. А вас как?

– Генри – так же, как нашего предка. Мы с вами, должно быть, дальняя родня – четвероюродные братья или что-то в этом роде. Я тут ищу сокровища, которые в свое время награбил этот хитрый старый скупердяй валлиец.

– Я тоже, – сказал Френсис и протянул ему руку. – Только к черту всякий дележ!

– Это в тебе говорит кровь Морганов, – одобрительно усмехнулся Генри. – Дескать, пусть достанется все тому, кто первый найдет. Я перекопал почти весь остров за эти полгода, и все, что нашел, – вот это тряпье. Я, конечно, постараюсь найти клад раньше тебя, но как только понадобится тебе и ты меня позовешь, стану с тобой спина к спине у мачты.

– Это замечательная песня, – сказал Френсис, – я бы хотел ее выучить. Ну-ка, повтори еще раз ту строфу.

И, звякнув флягами, они запели:

Мы – спина к спине – у мачты,
Против тысячи вдвоем!

Глава третья

Однако сильнейшая головная боль заставила Френсиса прекратить пение, и он с радостью позволил Генри уложить его в повешенный в тени гамак. Тем временем сам Генри отправился на «Анджелику» – передать капитану приказание своего гостя стоять на якоре и ни под каким видом не пускать матросов на берег Тельца. Лишь поздно утром на следующий день, проспав тяжелым сном немало часов кряду, Френсис, наконец, поднялся и заявил, что голова у него снова ясная.

– Я знаю, как это бывает: сам однажды свалился с лошади, – сочувственно заметил его странный родственник, наливая ему большую кружку ароматного черного кофе. – Выпей-ка вот это, сразу станешь другим человеком. Не могу предложить тебе ничего особенного на завтрак, кроме соломины, сухарей да яичницы из черепаших яиц. Яйца свежие, за это могу поручиться: я вырыл их сегодня утром, пока ты спал.

– Этот кофе уже сам по себе целый завтрак, – тоном знатока отозвался Френсис, разглядывая своего нового родича и время от времени переводя взгляд с него на портрет.

– Ты ведь тоже точная его копия; и схожи вы не только внешне, – рассмеялся Генри, поймав взгляд Френсиса. – Когда ты отказался вчера делить клад, ты рассуждал так, как

рассуждал бы старик сэр Генри, будь он жив. У него была врожденная антипатия к дележу, он не делился даже с собственной командой. Отсюда все его беды. И уж, конечно, он не поделился бы ни одним пенни со своими потомками. А вот я совсем другой. Я не только готов отдать тебе половину Тельца, но и свою половину в придачу, вместе со всей движимостью и недвижимостью: бери себе и хижину, и прелестную обстановку, и фамильные ценности – все, даже черепашиные яйца, какие остались. Когда же вам угодно будет вступить во владение всем этим?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.